

Старик сидел у края пропасти и смотрел вниз во тьму, из которой доносился грохот далекого потока. Он не сразу заметил поднимавшегося по горной тропе странника. Тот был невиден в вечернем тумане, лишь белел на фоне грозового неба мешочек на конце длинной палки, которую путник нес на плече.

В сумраке, над вершинами гор, голубыми всполохами сверкали молнии, поднимался ветер.

— Близится гроза, — сказал старик подошедшему путнику, — она застанет вас в горах, а выше по тропе нет селений. Можете заночевать у меня. Вот моя хижина под банановым деревом.

Путник помедлил и оперся на палку, вглядываясь в даль.

— Да, я бы передохнул, — устало выдохнул он и посмотрел на старика странным взглядом, словно смотрел не на него, а сквозь прозрачное стекло.

Дома хозяин хижины развел в печи огонь, согрел воду, чтобы гость мог помыться, и приготовил вечерний рис. Снаружи стемнело, мужчины ужинали при свете тусклой лампы, вокруг которой вилась ночная бабочка.

Порыв ветра приоткрыл дверь хижины, наполнив ее прохладой и шелестом листвы.

— В непогоду дом становится уютнее, — произнес хозяин дома, наливая гостю чай, — а где ваш дом?

Незнакомец поднес к губам чашку.

— Я сам себе стал домом, — ответил гость и улыбнулся.

— А ваши родные?.. Где они?

— Были у меня родные. Теперь я один.

— Что же случилось? Расскажите вашу историю...

Теперь хозяин смог рассмотреть гостя, склонившегося над пищей, и увидел, что тот совсем молод, но стоило незнакомцу поднять глаза, как от его взгляда, словно припорошенного инеем, веяло чем-то таким древним, что холодок пробежал по спине.

— У нас был дом, окруженный садом. За деревьями синела широкая река. У нас был надежный дом, в котором можно было укрыться в непогоду. Жену мою звали Джия!.. Теперь, с каждым днем она уходит от меня все дальше, но я помню аромат ее рук. Они пахли сандалом.

Отец мой был мастером по изготовлению вееров, и меня он тоже обучил этому искусству. Я любил расписывать веера, а Джия вышивала на них золотые цветы. Отец делал веера из сандалового дерева, поэтому руки ее пахли сандалом.

Готовый товар я отвезил в город. В свой последний отъезд я не знал, что расстанусь с родными навсегда. Отец, увидев меня собравшегося в дорогу, помахал рукой. Так мы простились с ним. Мать говорила мне что-то, но я не запомнил ее слова.

А Джия ехала со мной в повозке до плакучего кипариса, у которого дорога начинала подъем на лесистый холм. Мы думали, что расстанемся на несколько дней. Я обнял ее. Стояли дни полнолуния, и мы договорились, что будем смотреть перед сном на луну, тогда мы будем видеть ее одновременно, а значит — окажемся рядом.

Я смотрел, как Джия шла по дороге и, прежде чем исчезнуть за деревьями, помахала мне рукой.

В городе я продал товар, но задержался из-за непогоды. Начался сильный дождь. Я остановился на постоялом дворе старого Лу, давнего друга моего отца.

А на вторую ночь с юга пришел ураган. Мы не успели опомниться, как он уже срывал крыши с домов и сбивал людей с ног. Снес он и крышу нашего убежища. Большие деревья подпирали стены, и только потому они не развалились.

Ползком мы добрались до ямы для овощей под сараем. Оглушенный ревом ветра, я смотрел в черное небо и с ужасом видел, как над нами пролетают ветви деревьев, обломки домов, а когда услышал над собой вой пролетающей в небе собаки, мне показалось, что наступил конец мира...

Когда ветер чуть стих, Лу вылез из ямы, посмотрел вдаль и вдруг, указывая трясущимся пальцем на небо, завопил, как сумасшедший:

— Бежим!.. Летит Черный дракон!..

Он стал карабкаться вверх по склону горы. Я поднимался вслед за ним, пораженный его криком. Мне казалось, что ужаснее того, что было, быть уже не может, но я ошибся. На вершине горы я оглянулся и увидел, как что-то черное спустилось с неба на землю, словно черная тушь пролилась на мокрую бумагу, и в тот же миг хижина в долине сдуло, как осеннюю листву. Ветер ударил мне в грудь и бросил на землю, словно тряпичную куклу.

Оглушенный ревом ветра, я лежал, ухватившись руками за ствол дерева. Рядом с собой я увидел забившуюся под корни сосны лису, в ее глазах застыл ужас...

К рассвету ветер стих. По узкой горной тропе я пробирался сквозь поток идущих мне навстречу людей. Полунагие, в изодранной одежде, они шли с жалкими узлами в руках. В глазах их был либо страх, либо пустота, и все они говорили о разрушенных домах и наводнении. На этой тропе я встретил девочку-рабыню, служившую у наших соседей. Она сказала, что наш дом первым смыла поднявшаяся вода... Девочка плакала и прижимала к себе котенка.

К вечеру я поднялся на лесистый холм, с которого дорога спускалась к плакучему кипарису, у которого мы простились с Джией, но я не увидел ни кипариса, ни нашего дома. Долина превратилась в огромное озеро, в котором отражалось голубое небо.

Я опустил на землю без сил и безмолвно закричал. Удивительно, но в тот же миг вокруг меня взлетели с ветвей птицы. Как они услышали меня?

Целый день я поднимался по лесному склону, но не видел никаких признаков жилья. Только к вечеру у ручья увидел женщин, стиравших белье и понял, что поблизости поселок. Одна из женщин в тени ивы обмахивала веером маленькую девочку, та сонно посмотрела на меня, когда я проходил мимо. Волосы ее колыхал слабый ветерок.

Тропа круто поднималась в гору. Быстро темнело, луна уже серебрила узкую полосу реки на дне ущелья. Так, к ночи, я подошел к месту, которое называют «Приют отшельника».

Поднявшись еще выше, я заметил ветхую хижину с навесом у самого края пропасти. Возле нее в сумерках разглядел несколько человек, сидевших у обрыва. Широкие, остроконечные шляпы скрывали их лица и плечи.

Душа моя болела, а вокруг — лишь сияние бледной луны и тоскливый вой обезьян в ночи.

Я присел рядом, но они даже не шелохнулись, словно не видели меня. Они безмолвно смотрели вниз в темноту ущелья. Оттуда тянуло прохладой и доносился шум воды.

Я встал, увидел, что навес у хижины свободен, и решил заночевать там, на ворохе соломы. Лежа под навесом, я слышал шум водопада в горном лесу и видел над собой луну. Я думал, что, может, мне приснится Джия и скажет что-нибудь во сне. Но приснилось мне, что я держу в руке спелый персик и никак не могу поднести его к губам.

Ночью я проснулся от холода. Неподалеку от меня люди разожгли костер. К ним присоединилось еще несколько человек, как я понял из разговора, местных жителей. Их разговор привлек мое внимание.

— Вон там, на вершине горы, сейчас тот, кого мы зовем Старик, — донесся до меня голос одного из ночных соседей.

— Говорят, что он не то оборотень, не то человек, — послышался голос старика-селянина, — рассказывают, что иногда он становится женщиной, а порой превращается в ребенка. Говорят, что он не отбрасывает тени и родился старым...

— Глупости!.. Старик наш учитель.

— Почему же вы караулите его на всех дорогах?

— Он решил нас покинуть. Сказал, что пришла пора ему исчезнуть, но мы перекрыли все дороги и не даем ему уйти.

— Он может уйти через перевал.

— Нет. Начальник горной заставы тоже его ученик. Он-то и сообщил нам, что задержал Старика. Сейчас он на вершине.

— Но почему вы не даете ему уйти?

— Начальник горной заставы пропустит его только при одном условии: Старик должен оставить письменное послание со своим знанием, в котором раскроет — в чем заключается истина. Только он знает это. Старик — настоящий учитель...

— Как можно знать, что учитель настоящий? Кто может это сказать точно?..

— Это можно узнать... Старик говорил нам, что он учился всегда только у настоящих мастеров и избегал самозванцев. Однажды я спросил его: «Учитель, но как узнать, что мастер настоящий? Есть такой способ?»

Говорящий замолк и чуть поправил сучья в костре, вихрь искр поднялся, кружась, в небо к звездам. Из пропасти донесся гулкий таинственный крик ночной птицы.

— Он мне ответил: «Да, есть такой способ. Если хочешь узнать, настоящий ли Учитель, то пойди к нему и предстань перед ним несчастным и униженным, моли о помощи и сострадании. Если, видя твою униженность, он станет надменным, то беги от него как можно быстрее». И тогда я спросил: «А если он не станет надменным? Что если мои слова тронут его и разжалобят?» И он мне ответил: «Если твое несчастье его разжалобит и опечалит, то тоже беги от него, как от ядовитой змеи».

Я был в замешательстве и сказал: «Не понимаю! Но как же должен реагировать настоящий Учитель?» И тогда старик мне сказал: «Он никак не должен реагировать. Он должен остаться самим собой».

Со своего ложа я слышал шум потока на дне ущелья. Голова моя кружилась от близости пропасти за стеной навеса. Ночные спутники сидели у костра, освещенные его огнем и светом золотой луны над горными вершинами. Маленькое

светлое облако оттолкнулось от склона горы и поплыло в небе. Из тьмы, со стороны поселка доносились смех и звук флейты. Ночной ветер пах жасмином, и мне казалось, что я не в маленьком поселке на краю пропасти, а в душистой чаще темного гигантского цветка, окруженный лепестками черных отвесных скал. Тьма окружала меня, а из глубины пропасти веяло прохладой. Прозрачное, как шелк, облако чуть прикрыло луну.

Я лежал среди звона цикад и звуков флейты во тьме. Как без слез смотреть на эти кручи, на вершинах которых спят орлы? Как сдерживать печаль?.. Но мне было легче рядом с этими людьми.

С вершины горы доносились вопли обезьян. Я лежал в кружеве пятен лунного света, который пробивался сквозь зелень, оплетавшую стволы навеса. На фоне луны листва казалась полупрозрачной. Я закрыл глаза, пытаюсь заснуть, и услышал удар колокола на горе.

— А ты что молчишь, Ян? Ты, похоже, совсем пьяный, — послышался голос того, кто рассказывал о Старике.

Со своего ложа я увидел, как к костру приблизилась темная фигура человека. Он чуть покачивался, нетвердо стоя на ногах.

— Кому плохо от того, что я пьян? Разве это важно? — ответил он раздраженно. — Важно то, что происходит там, — и он указал рукой вверх, в темноту.

— Скорее бы узнать, что он напишет, — послышалось со стороны костра.

— А я и не знаю, хочу ли знать это. Я лучше еще выпью. Э!.. Вы, куда подевали наше вино?

Лежа на земле, я попытался разглядеть того, кого называли — Ян. Он был крепок, свет луны озарял его шею, мускулистые руки. Прихватив кувшин, он присел неподалеку от меня под навесом и, глотнув вина, хмуро насупился.

— А какой он — ваш Учитель? — спросил я. — Похоже, он очень мудр.

Ян вгляделся в темноту, пытаюсь рассмотреть меня, презрительно фыркнул и отхлебнул из кувшина.

— Нет! — покачал он головой. — Он совсем другой.

— А что же может быть другое?

Ян аккуратно установил кувшин в ворохе соломы и посмотрел в небо.

— Посмотри... Видишь — горный выюнок чуть качается на ветру? Если бы я не сказал тебе сейчас, то ты бы не заметил его. Вот, и учитель такой же.

— Хотел бы я увидеть Старика! — сказал я. — Хотелось бы оказаться рядом с ним и почувствовать то, о чем ты сказал.

— Возьми, — Ян протянул мне запотевший от росы кувшин с вином. — Завтра истекает срок, и он закончит послание. Наверное, уже закончил. Утром мы будем подниматься наверх. Они думают только о послании, а я хочу обнять Старика на прощанье.

Ранним утром мы с Яном начали подъем на гору, поросшую сосновым лесом. Следом за нами поднимались остальные ученики Старика. Мы слышали за собой их голоса и треск сучьев.

— Как ваш Учитель смог подниматься по такой крутой тропе? — спросил я.

— Он шел другой дорогой, более пологой. Но сейчас мы сокращаем путь.

Несколько часов мы поднимались по тропе. Вскоре зной стал нестерпимым, и решено было передохнуть. Я без сил опустился в тени. Полдневный жар и дремота овладели мной. Я слышал, как Ян, весело напевая, моется в ручье за кустами. Он появился бодрый и веселый. Капельки воды сверкали в его волосах.

— Хочешь посмотреть на змею? — спросил он. — Она греется там на солнышке. Эх, мы могли бы ее приготовить!

Он уселся рядом со мной и снова насупил. Настроения у Яна менялись поразительно быстро, но все они казались мне наигранными, а какой он на самом деле, трудно было понять.

— Ян, расскажи о себе, — попросил я его.

— Хотел и тебя спросить о том же.

— Что я могу сказать? Все мои родные погибли. Ничего у меня нет, кроме воспоминаний.

— А у меня нет даже воспоминаний. Я не знаю, кто были мои отец и мать. Не знаю, есть ли у меня братья и сестры... Вот ты случайно не мой брат? — спросил вдруг Ян.

— Нет, — ответил я с улыбкой.

— Жаль. А то я бы тебя обнял.

Он улегся, устроившись поудобнее среди толстых, словно змеи, корней.

— Иногда мне снятся какие-то люди, — сказал он. — Может, это мои родные?

Однажды, мне приснился мой сын.

— У тебя есть сын?

— Нет, но он мне приснился. Мы шли с ним по лесу. Я держал его за руку, вдруг он вырвался, побежал вперед и исчез за деревьями. Я искал его, но так и не нашел.

— А ты разглядел его лицо?

— Нет. Но я помню его руку. Она была как маленькая теплая зверушка в моей руке.

Стволы сосен на крутом склоне обуглились от солнечного жара, оглушительно трещали цикады. Я смотрел вверх на склон горы, таявшей в жаркой дымке, и видел, как далекий горный водопад бесшумно падает сквозь лес.

— Переждем зной и пойдем дальше, — послышались голоса подошедших учеников. Они расположились в тени поближе к ручью.

— Ян, расскажи мне еще о Старике, — попросил я. — Что он говорил вам?

— Он ничего нам не говорил, — буркнул Ян.

— Как же он вас учил? — удивился я.

— Ты думаешь, что нельзя учить без слов? — произнес Ян. — Старик не верит в слова. Однажды он рассказал нам о людях, которые показали ему путь.

Ян чуть помолчал.

Теплый ветер качал листву дерева над его головой, пятна света и тени скользили по корням-змеям, и казалось, что они шевелятся вокруг него. В синем небе, над горной вершиной, сиротливо-одинокое замерло белое облако.

— Это были три брата, — продолжил рассказ Ян. — Они странствовали от одного селения до другого, и где бы ни оказались, всегда приходили на рыночную площадь. Братья не верили в слова и никого ничему не учили. Они выходили на середину площади, становились среди толпы и начинали смеяться. Животы их ходили ходуном от хохота. Люди смотрели на них, как на помешанных, потом три чудака начинали казаться им забавными, и вдруг, сами того не замечая, люди тоже начинали смеяться. Братья заражали весельем всех вокруг себя, и вскоре вся площадь уже валилась с ног от хохота. Люди забывали о барышах и наживе, они пробуждались от сна, и снова были невинны, как дети.

Так продолжалось из года в год. Но однажды ночью, когда они остановились в одном селении, один из братьев умер. Жители села гадали, что же братья будут делать? Каково же было их удивление, когда на следующий день оба брата пришли на площадь и стали хохотать. Они смеялись и танцевали еще неистовей, чем когда-либо прежде.

Люди были возмущены. Они обратились к братьям:

«Что вы делаете?! Как вы можете смеяться в такой день? Ведь ваш брат умер!»

Утирая слезы душившего их смеха, братья ответили: «Вы ничего не поняли. Мы трое загадали — кто первым из нас умрет, и вот наш брат выиграл. Смерти нет, это самое великое заблуждение. Каждая смерть — это дверь в новую жизнь. Как же мы можем не радоваться в такой день! Что еще мы можем сделать для человека, который смеялся всю свою жизнь? Мы можем только смеяться и праздновать! Иначе он посмеется над нами и назовет нас дураками».

Жители селения не поняли их и сказали: «Дайте мы его хоть переоденем и обмоем перед обрядом похорон». Но братья не позволили им сделать этого. Они ответили: «Перед смертью наш брат сказал о своем последнем желании. Он хотел, чтобы его не обмывали и положили в огонь в той одежде, которая сейчас на нем».

Начался обряд похорон, и умершего положили на костер... И тут произошло нечто такое, что поразило всех! Послышался оглушительный треск, искры летели во все стороны, над площадью поднялись клубы разноцветного дыма. Оказалось, что умерший обвязал себя под одеждой кусками зеленого бамбука. С оглушительным треском он взрывался на огне и озарял площадь светом ярких искр. Умерший устраивал для людей свой последний праздник веселья! Дети хохотали и прыгали от восторга, все улыбались и действительно чувствовали радость, провожая человека в новую жизнь...

Ян умолк. Я лежал и думал об удивительных братьях, которые не верили в слова. Должно быть, я заснул, потому что вдруг почувствовал, как Ян трясет меня за руку. Открыв глаза, я ощутил предвечернюю прохладу.

— Пора, — сказал он. — Скоро ты увидишь нашего учителя. А я... смогу с ним проститься.

Уже в сумерках мы добрались до ветхой хижины у края тропы, но она была пуста. Открыв покосившуюся плетеную дверь, мы увидели на полу только тушечницу и свиток рисовой бумаги. Поднялась луна, свет ее туманным веером проникал в хижину. А за окошком уходили вдаль гряды поросших лесом гор.

Ученики бросились к свитку, развернули его, но на ворсистой, перламутровой поверхности листа увидели только одну надпись: «Семь телег».

Ученики обыскали все в хижине и вокруг нее, но ничего больше не нашли. Стоя перед хижинкой, на выжженной солнцем траве, ученики растерянно смотрели друг на друга.

— Он ничего не оставил нам! — воскликнул один из них.

— Он посмеялся над нами и ушел! — воскликнул другой.

— Учитель не обманул нас! — стукнул себя по ладони Ян, гневно сверкая глазами. — Мы просто не видим его послание. Оно прямо перед нами, но мы так глупы, что не видим его!

Ученики оглядывались вокруг себя, но видели во тьме только бледные стволы бамбукового леса, поднимавшегося вверх по склону.

— Где-то здесь! — закричал Ян, бросившись к лесу.

И он нашел послание. Он был прав, оно все время было прямо перед нами.

Рассказчик умолк. Пока он рассказывал свою историю, ливень закончился. Широкие листья бананового дерева покачивались за окном.

— Как только рассвело, мы стали валить все стволы, на которых Ян обнаружил надписи, а потом долго носили стволы вниз. Несколько дней, пока мы были в поселке у подножия горы, он не отходил от этого удивительного послания. Он сторожил стволы день и ночь. А когда мы расставались, он обнял меня, стараясь казаться хмурым и насупленным. На прощанье он мне сказал:

— Старик говорил, что проблеск истины может дать даже горный вьюнок. Спроси его о чем хочешь, и он ответит.

— Ты шутишь, — сказал ему я.

— Я не шучу. Спрашивай, но только не пытайся понять ответ. Просто почувствуй...

И Ян коснулся рукой одного из вьюнков, что вились по дереву. Светящиеся на солнце листки растения замерли передо мной.

— Спроси все то, о чем ты хотел спросить Старика.

— Жива душа моей Джии? — спросил я. — Жива ли она в каком-нибудь из миров?

Подул ветер, и вьюнок качнулся из стороны в сторону.

— Он сказал: нет, — произнес Ян.

— Неужели она совсем исчезла из мира?! — спросил я.

— Нет, — качнулся из стороны в сторону вьюнок.

— Неужели она на веки утратила память обо мне?

— Нет, — ответил горный вьюнок.

— Это нелепость! — воскликнул я.

— Нет, — качнулись цветки вьюнка.

Путник замолчал и стал смотреть в окно на гряды далеких гор. Хозяин дома коснулся рукой его плеча.

— Уже поздно. Вы утомились. Надо набираться сил, впереди у вас будет долгий путь. Ночи сейчас душные, можете лечь под навесом снаружи. Там вам будет хорошо.

Ночью путник проснулся. Вокруг стояла тишина, даже цикады молчали. Он посмотрел на дверь в хижину и увидел, что над ней горит крохотный огонек светлячка. Свет этот ничего не освещал, но он так трогательно украшал ночь.

Утром путник простился с хозяином хижины. Впереди был долгий путь к перевалу.

Старик проводил его до развилки горной дороги.

— Там выше дорога снова будет раздваиваться. Держитесь правого пути.

— Спасибо, — ответил путник.

Он поднял палку на плечо, мешочек на ее конце забелел на фоне синего неба. Он сделал несколько шагов, но вдруг замедлил шаг и оглянулся.

Старик стоял и смотрел на него.

— Я сейчас вспомнил! — воскликнул путник. — В день, когда мы грузили стволы бамбука, ученики достали в соседнем поселке множество телег, но Ян с палкой набросился на крестьян и прогнал половину из них, оставив только семь телег. Он бежал, потрясая палкой, и кричал: «Учитель сказал — семь телег! И их будет только семь!»

Хозяин хижины расхохотался.

— Он всех готов был поубивать! Бежал и кричал: «Семь телег! Семь телег!»

Хозяин хижины с улыбкой проводил глазами путника, пока тот не скрылся за стволами деревьев.

— Ян! — сказал он едва слышно, вытирая слезы, выступившие у него из глаз от смеха. — Добрый Ян!

